

Санкт-Петербургский государственный университет

СТЕПАНОВА Дарья Сергеевна

Выпускная квалификационная работа

**Семантико-прагматическая характеристика парных антонимических
номинаций в стихотворном тексте (на материале произведений И.В.Гёте)**

Уровень образования: бакалавриат

Направление 45.03.02 «Лингвистика»

Основная образовательная программа СВ.5055. «Иностранные языки»
Профиль «Немецкий язык»

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор,
Кафедра немецкой филологии,
Филиппов Константин Анатольевич

Рецензент:
доцент, Кафедра
теоретической и прикладной лингвистики,
ФГБОУ ВО «Балтийский государственный технический
университет «ВОЕНМЕХ» им.Д.Ф.Устинова»,
Ребикова Любовь Дмитриевна

Санкт-Петербург
2022

Оглавление

Введение	3
Глава I. Теоретические основы исследования: Антонимы и оппозитивы	6
1. Понятие семантической противоположности в лингвистике	6
1.1. Семантические отношения в языке и речи	6
1.2. Антонимия и противоположность	8
1.3. Антонимия и отрицание	10
2. Классификация антонимов	13
2.1. Структурный аспект	16
2.2. Содержательно-концептуальный аспект	17
2.2.1. Оппозитивы в теории М.В. Никитина	17
2.2.2. Конвенциональные и контекстуальные антонимы	22
3. Выводы по первой главе	23
II. Семантико-прагматическая характеристика антонимических номинаций в произведениях И.В. Гёте	25
1. Характеристика материала	25
2. Конвенциональные антонимы в стихотворном тексте	26
2.1. Случаи сдвига антонимии вследствие сильной импликации	30
2.2. Антонимия на примере семантического поля «радость — грусть»	37
3. Авторские контекстуальные антонимы	42
3.1. Однословные антонимы	43
3.2. Антонимы, состоящие из нескольких слов	46
4. Выводы по второй главе	47
Заключение	49
Источники примеров	51
Список литературы	51
Справочная литература	54
Электронные ресурсы	55

Введение

Материалом для исследования парных антонимических номинаций послужили составленный А.А.Аникстом сборник избранных стихотворений И.В. Гёте, а также его трагедия «Фауст». Так как мы имеем дело со стихотворными текстами, следует несколько слов сказать о поэтическом языке и его функциях.

Само понятие «поэтический язык» является относительным и может быть выделено только в противопоставлении прозаическому языку. Речь при этом не идет об отдельном языке или виде языка, потому что в поэтическом языке используются все те же элементы, что и, например, в языке повседневной коммуникации, однако организованы они особым образом. Иными словами, язык остается тем же, но благодаря поэтической функции в нем актуализируются определенные семантические и звуковые возможности [Handbuch Sprache in der Literatur 2017: 412].

Поэтическая (или эстетическая) функция языка была впервые подробно описана членами Пражского лингвистического кружка. В частности, много внимания поэтике, поэтической функции и ведущей роли грамматического параллелизма в реализации этой функции уделял Р. Якобсон. В его работах в качестве одного из инструментов грамматического параллелизма упоминается в том числе и антонимия, которая связывает текст различными видами противопоставлений, противоположностей и противоречий [Якобсон 1987: 109].

Состав антонимических пар в поэтических текстах значительно увеличивается, потому что в поэзии (и в принципе в речи) меньшую роль играют как условные границы словаря, так и сформированные в абстрактной структуре языка отношения между единицами. В поэтическом тексте данные тенденции кажутся искусственно преувеличенными благодаря тому, что авторы стремятся показать иную перспективу, «проникнуть в суть вещей», используя плохо приспособленный для этого язык [Levin 1981: 33] –

соответственно, одним из возможных выходов для них становится совмещение единиц, принадлежащих разным семантическим полям, использование различных фигур, в том числе и тех, которые построены на контрасте.

По этой причине особенно выделяется и Р.Якобсоном, и продолжившими его теоретические изыскания исследователями, сосредоточенность поэтической функции на самом сообщении, на его структуре, выражении, на его, чаще всего, обогащенной семантике. Активизация поэтической функции в тексте позволяет реципиенту не останавливаться на отдельной, например, семантической или звуковой характеристике слова, но еще и выстроить длинную ассоциативную связь от данного слова к тому понятию, которое оно обозначает [Маклакова 2010: 147]. Таким образом, при анализе мы учитывали, что перед нами текст, в котором форма имеет особенное значение, и который строится за счет грамматического параллелизма, нередко принимающего вид в том числе и антонимической когезии

Актуальность настоящего исследования определяется в первую очередь тем, что оно направлено на анализ семантических и прагматических аспектов антонимии именно в тексте, что связано с отходом от позиций структурализма относительно природы антонимических отношений. Только равное рассмотрение всех вариантов употребления того или иного слова может пролить свет на реальные семантические связи в языке и создать необходимую основу для дальнейшего изучения антонимии. По этой причине большинство современных исследований антонимических номинаций направлены на выявление их контекстуальной обусловленности, однако если речь идет о поэтических произведениях, то тема все еще остается раскрытой не до конца. Это объясняется большим количеством разнообразных источников для исследования, анализ каждого из которых может привести что-то новое и существенное в общую теорию антонимии.

Основная *цель* исследования состояла в том, чтобы проанализировать встретившиеся в выбранных нами произведениях И.В. Гёте антонимические пары, дать им семантическую характеристику и определить при этом их прагматические функции. Соответственно, *объектом* исследования являются антонимы, а *предметом* – их семантико-прагматические особенности.

Гипотеза исследования была сформулирована следующим образом: в стихотворных произведениях И.В. Гёте семантико-прагматические характеристики антонимических номинаций могут меняться в результате переноса значения у одного из членов оппозиции, а также использования словообразовательных моделей и разнообразных фигур речи.

Наша работа состояла из трех этапов, каждый из которых предполагал решение следующих *задач*:

1. Знакомство с теоретическими работами, посвященными антонимии, определение важной для нас терминологии и нашего подхода к проблеме толкования некоторых терминов, изучение существующих классификаций антонимов и сведение их в единую таблицу.
2. Определение принципов выбора практического материала для анализа, поиск подходящих источников и подбор примеров, которые войдут в практическую часть. Всего в работе представлен анализ 46 фрагментов.
3. Анализ антонимических номинаций из выбранных отрывков, их семантическая характеристика, определение способа их построения, особенностей, выявление возможных закономерностей. На данном этапе использовались *метод* контекстуального анализа и описательный метод.

Глава I. Теоретические основы исследования: Антонимы и оппозитивы

1. Понятие семантической противоположности в лингвистике

В первом параграфе теоретической главы будут рассмотрены основные черты семантических отношений и соотнесенность «антонимии» с такими широкими категориями как «противоположность» и «отрицание».

1.1. Семантические отношения в языке и речи

Семантические отношения представляют собой наиболее важные семантические данные. Исследования семантических отношений концентрируются в первую очередь на отношениях между лексемами словарного состава языка, а также значениях данных отношений. Чаще всего выделяют пять основных видов семантических отношений: отношения идентичности, синонимические отношения, антонимические отношения, гипонимо-гиперонимические отношения и отношения несопоставимости [Agricola 1977: 14-15]. При этом, конечно, стоит отметить, что семантические отношения долгое время представлялись как стабильные смысловые связи между словами. Однако прагмаориентированные исследования показывают, что смысловые отношения динамичны и подстраиваются под коммуникативные нужды участников коммуникации [Handbuch Wort und Wortschatz 2015: 248]. Соответственно, в классификацию семантических отношений помимо названных выше видов могут быть добавлены и некоторые другие, потому что даже одни и те же слова, выступая в разных контекстах и сочетаниях, создают новые оттенки значения, что позволяет нам говорить о большем многообразии семантических отношений.

Кроме того, семантические отношения определяются в терминах концептуальных отношений между самими значениями, а не в терминах отношений между денотатами выражений. Например, два выражения являются синонимичными, если они имеют одно и то же значение, однако их денотаты могут и не совпадать. Хотя и логические отношения могут

свидетельствовать о смысловых отношениях, важно понимать, что логические отношения и семантические отношения определяются принципиально по-разному. Так как данное положение справедливо для всех типов семантических отношений, то и антонимические отношения, находящиеся в центре внимания данной работы, выделяются в первую очередь на основании их семантических свойств.

Так, в работе В.Н. Комиссарова, посвященной описанию антонимии, отмечено, что антонимы определяются на основании их семантических характеристик и что «противоположность значений слов-антонимов не связана непосредственно с какими бы то ни было особенностями отражаемых ими явлений» [Комиссаров 1957: 53]. В этом случае во внимание принимается наше (неважно, сознательное или интуитивное) восприятие каких-либо понятий, признаков, действий и т.д. как противоположных. Это значит, что вне нашего сознания, в реальности, предметы не противопоставляются.

При этом многие исследователи в своих классификациях отмечают исключительную важность экстралингвистических факторов. Так, можно встретить разграничение антонимов на логические и парадигматические, где первые осознаются нами как слова, связанные друг с другом и имеющие противоположные (или обратные, или противопоставленные) значения вне зависимости от их конкретного употребления, а вторые – исключительно в определенном контексте [Лаврова 2017: 66], который как раз и является совокупностью как языковых, так и экстралингвистических факторов.

Прагматический подход на данный момент является ключевым в исследовании как антонимических отношений, так и семантических отношений в целом. Дело в том, что изучение антонимов с точки зрения системы языка сильно сужает количество пар и смыслов, которые могли бы потенциально возникнуть, а следовательно – препятствует обнаружению новых семантических связей. Кроме того, зависимость антонимии от контекста имеет следствием не только создание новых антонимических пар,

но и разрушение устоявшихся старых. Так, в словаре Д. Хомбергера приводится следующий пример: «*Frau Schulze ist nicht alt*». Здесь автор подчеркивает: тот факт, что «Фрау Шульце не стара» отнюдь не означает, что она обязательно должна быть молодой [Homberger 2000: 45].

Выделение антонимов с точки зрения логики и с точки зрения прагматики имеет следствием некоторую путаницу в терминологии. С одной стороны, когда исследователь придерживается первого подхода, антонимия понимается достаточно узко и обозначается как частный случай проявления противоположности. С другой же стороны, антонимия может пониматься и очень широко, и тогда данный термин в разной литературе определяется как гипероним ко множеству явлений, представляемых в качестве разных видов и проявлений уже антонимии. В том числе по этой причине важно разграничить «противоположность» и «антонимию».

1.2. Антонимия и противоположность

В определениях разных авторов находит отражение восприятие антонимии как выражения фундаментального для структуры языка понятия «противоположности». Так, например, в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой антонимия определяется как «семантическая противопоставленность, *противоположность*» [Ахманова 1969: 50], а в «Словаре лингвистических терминов и понятий» Т.В. Жеребило – как «тип семантических отношений между лексическими и другими единицами языка, имеющими *противоположные* значения» [Жеребило 2010: 35]. (Важно отметить, что в последнем определении актуализируются не только лексические единицы языка, что уже выходит за рамки традиционной теории, по которой антоним – член лексической оппозиции.) Таким образом, в первом случае, антонимия и противоположность представлены как синонимы, тогда как во втором антонимия – это только один из видов отношений, возникающих вследствие противоположности.

Немецкий исследователь С. Лёбнер в своей работе «Понимание семантики» («Understanding semantics») в качестве примера приводит слово «buy» (купить), для которого указывает несколько возможных антонимов: «sell» (продать), «steal» (украсть), «rent» (арендовать) и «borrow» (позаимствовать). Последние три глагола обозначают альтернативные способы приобретения вещей, но отличаются друг от друга наличием или отсутствием определенных смысловых элементов (Является ли приобретение временным? Предполагает ли денежную компенсацию?). Что касается связи глаголов «buy» и «sell», то они служат обозначением одной и той же ситуации, рассмотренной с противоположных точек зрения [Löbner 2013: 208].

В данном примере более общая концепция противоположности охватывает несколько смысловых отношений, выражается в разных по своим характеристикам видах оппозитивов. Подробнее эти виды будут описаны в следующих параграфах данной главы, однако уже сейчас можно добавить, что их следует рассматривать лишь как составляющие абстрактно-теоретической схемы для представления не всегда однозначных отношений противоположности. В пользу данного заключения существуют определенные доводы.

В широком смысле противоположность – одна из основных категорий объективной действительности и нашего мыслительного процесса. Поэтому, по мнению некоторых исследователей – в частности, В.А. Михайлова – важную роль при определении данных понятий может играть несоответствие между противоположностью как «предельно широкой категорией бытия и сознания» [Михайлов 1987: 3] и оппозициями, представляющими собой лингвистическую сторону антонимии.

В этой связи В.А. Михайлов выдвигает идею о том, что антонимия уже сама по себе отражает «категориальную сущность языка», однако является при этом относительным явлением, поскольку возникает «в конкретных условиях речевой ситуации» [Михайлов 1987: 75].

Указание на системность антонимии находим и в «Большом энциклопедическом словаре» по языкознанию под редакцией В.Н. Ярцевой. В отличие от определения, данного в словаре Т.В. Жеребило, область распространения антонимических отношений здесь сужена только до лексических единиц. При этом далее автор словарной статьи Л.А.Новиков пишет, что «антонимия представляет собой одну из универсалий языковых: она свойственна всем языкам, а ее единицы обнаруживают принципиально общую структуру противоположных значений и большое сходство в структурной и семантической классификации антонимов» [Новиков 1998: 35].

В завершение следует также отметить, что, согласно теориям структурной лингвистики, наличие бинарных оппозиций является одним из центральных принципов, определяющих структуру языка, и антонимия – это выражение данного принципа на уровне словарного состава [Herberg 2017: 112-113].

1.3. Антонимия и отрицание

В данном разделе речь пойдет о проблемах соотнесенности отрицания и противоположности, отрицания и противоречия, отрицания и антонимии, а также о том, на чем основываются исследователи, указывающие на взаимосвязь данных понятий. Кроме того, предметом обсуждения станет возможность определения отрицания как общего признака антонимии.

Н.Н. Болдырев в статье, посвященной отрицанию, пишет, что «концепт «отрицание» не имеет реальных соответствий в окружающем мире, т.е. относится к числу абстрактных ментальных образований» [Болдырев 2011: 6], а потому и четкое его определение довольно затруднительно. В первую очередь, это связано с разнообразием самих видов отрицательной семантики. Сюда могут относиться отсутствие, противоположность (в том числе смягченная) несоответствие, ограничение, недостаточность, отрицательные оценка и реакция.

Вопрос соотносительности отрицания с антонимией следует начинать рассматривать не с самой антонимии, а с таких понятий как «противоположность» и «противоречие». Роли противоположности в теории антонимии в настоящей работе уже был отведен целый параграф. Что же касается противоречия, то считается, что оно является необходимым базисом антонимии, потому что только исключаящие друг друга члены оппозиции могут считаться антонимами. Таким образом, выстраивается следующая схема взаимосвязанных элементов: противоречие представляется как частный случай противоположности, а противоположность, в свою очередь – как частный случай противопоставления (заметим, что иногда последние два понятия используются как синонимы [Ахманова 1969: 369]).

В.А. Михайлов связывает процесс перехода от более общего и универсального противопоставления к конкретному противоречию с увеличением интенсивности отрицания. Так, он пишет: «Превращение противопоставления в противоположность есть процесс, и этот процесс связан с превращением слабого отрицания в сильное, предельное выраженное в форме противоречия $A - \text{не } A$ » [Михайлов 1987: 9-10]. Исходя из данного утверждения можно сделать вывод, что характер отрицания, лежащего в основе той или иной оппозиции, определяет, к какому из существующих видов исследователь может ее отнести. Если, например, отрицание в оппозиции ярко выраженное и является маркером жесткого противоречия, то мы можем говорить об антонимии, а если отрицание «умеренное» и свидетельствует скорее о противопоставлении, чем о противоречии, то и исследователь может определить члены оппозиции в общем виде как оппозитивы.

Следующий вопрос, возникающий в данном контексте, связан с постепенным переходом исследователей к рассмотрению антонимии с точки зрения прагматики, что сделало в принципе возможным снятие некоторых противоречий, возникавших при попытках определения роли отрицания в его образовании.

Традиционно антонимами считались слова, имеющие разные корни и обладающие такими признаками как «качественность» и «градуальность», что не решало проблемы определения других видов противоположности, встречающихся в речи. Сама противоположность в свою очередь может проявляться как контрарность или как контрадикторность.

Более подробно контрарная и контрадикторная оппозиции будут рассмотрены в параграфе, посвященном классификации антонимов. Здесь же коротко обозначим, что антонимы, между которыми существуют отношения контрарности, называются квалитативами, а их оппозиция – градуальной. Примером может служить пара *широкий – узкий*, в которой единицы являются крайними точками на шкале, где могут быть средние значения. Во втором же случае члены оппозиции делят некую концептуальную область только на две части [Paradis 2006: 1052], как в примерах *мертвый – живой* или *черный – нечерный*. Тогда мы имеем дело с отношениями контрадикторности, антонимы называются комплементативами и их оппозиция – бинарной [Silin 1980: 703-704].

В последнем примере можно видеть, что отрицание проявляется уже эксплицитно с помощью отрицательного аффикса (возможны и другие варианты). Однако определение статуса данной оппозиции не представляется таким однозначным. Несмотря на то, что в основе любой антонимической пары лежит тот или иной вид отрицания, пара, один из членов которой имеет отрицательный аффикс, раньше не считалась антонимической. Так, слова в паре *красив – некрасив* не считались антонимами, так как они выражают неполную противоположность [Бондаренко 1983: 132]. Действительно, если человек *некрасив*, это еще не означает, что он *уродлив*, т.е. противоположность не является максимальной. Данные единицы мы могли бы представить на условной шкале, отражающей градуальную оппозицию: *красивый – некрасивый – уродливый*, где между ними возникают отношения контрарности.

Однако в данном случае мы рассматривает оппозицию изолированно, вне контекста и вне конкретной речевой ситуации. Как справедливо отмечает В.А. Михайлов, отрицание, выраженное отрицательным аффиксом, способно порождать и отношения контрадикторности. Простой пример мы можем обнаружить в любом толковом словаре или словаре синонимов, где прилагательное *уродливый* может быть объяснено формой с отрицательным аффиксом *некрасивый* [Михайлов 1987: 32]. Тогда *некрасивый* перестает быть средним членом оппозиции и образует отношения взаимоисключения *красивый – уродливый/некрасивый*. Именно присвоение выражающим контрадикторную противоположность оппозициям типа *красивый – некрасивый* статуса антонимичных стало толчком к более глубокому и основательному разбору связей между антонимией и отрицанием.

Таким образом, еще раз подтверждает тезис о том, что одни и те же слова способны вступать в разные отношения, поэтому порождаемая отрицанием антонимия – это не устойчивый показатель конкретных пар лексических единиц, а системное явления, реализуемое в речи на базе различных по своим характеристикам единиц.

2. Классификация антонимов

Для представления семантической характеристики антонимических пар необходимо описать их основные виды и определить значение терминов, которыми мы будем пользоваться при составлении нашей классификации.

Как уже было отмечено выше, семантические отношения противоположности в языке могут выражаться по-разному, и не все используемые для этого средства исследователями определяются как антонимы. Кроме того, многие антонимы не связаны отношениями прямой противоположности [Agricola 1977: 20] (как, например, в паре *благородство – трусость*), некоторые антонимические пары могут возникать в контексте или в качестве окказионализмов, а иногда антонимия рассматривается за рамками лексических единиц.

Ввиду такой сложности и многоаспектности антонимии перед исследователем встает несколько вопросов. Какие виды антонимов можно выделить? Какие основания для классификации могут быть релевантными? Насколько сам термин «антонимия» подходит для обозначения лексических оппозиций? Следует ли предполагать еще какие-либо типы оппозиций? Как их в таком случае обозначать?

По причине того, что не на все эти вопросы даны однозначные ответы, в частности, на вопросы о видах антонимов и критериях их выделения, важно отметить, что выбор классификации в данном случае не является выбором между мало соотносимыми или совсем не соотносимыми точками зрения. Скорее наоборот, при разделении пар противоположностей на группы большинство исследований оперирует одними и теми же категориями, давая им примерно одинаковую характеристику. Эти группы чаще всего различаются по степени строгости отношений в оппозиции или по строгости полярности, по тому, являются ли единицы в таких парах взаимоисключающими, взаимообусловленными [Agricola 1977: 18] и т.д. Такие классификации состоят из похожих элементов, организованных по-разному, поэтому выбор между ними продиктован скорее тем, какой из представленных способов организации кажется наиболее наглядным и структурированным.

Основные расхождения в работах разных исследователей прослеживаются в самом толковании термина «антоним», а также на этапах определения в классификации места конверсивов, межчастеречных оппозиций и разного рода контекстуально противопоставляемых слов. Как правило, все вышперечисленное характеризуют либо как разные виды антонимов, либо как отдельные явления. При этом в первом случае понятие «антоним» трактуется очень широко, так что может вмещать в себя абсолютно разные оппозиции с точки зрения семантических отношений между их членами.

Существует и иная точка зрения, когда все бинарные оппозиции, члены которых противопоставлены друг другу или выражают ту или иную степень противоположности, объединяются в одну большую группу оппозитивов. Важно, что отнести к ним можно все единицы, вне зависимости от их лексического значения или частеречной принадлежности, если они имеют оппозитивное значение в соответствии с прагматической установкой говорящего. Таким образом, термин «оппозитив» становится универсальным для обозначения разных проявлений противоположности в речи и в этом смысле соответствует «антониму» в его широком значении. Однако в подобных классификациях, где в качестве гиперонима выступает «оппозитив», термин «антоним» применяется уже в своем узком, но в то же время и более устоявшемся значении [Гудкова 2012: 70-71], подробнее о котором речь пойдет в разделе, посвященном содержательно-концептуальной характеристике антонимов.

При этом заранее оговоримся, что в данной работе мы, применяя более общий термин «оппозитивы» для обозначения различных бинарных оппозиций, антонимы понимаем все же более широко, нежели это принято в справочной литературе, так как не ограничиваем их характеристики принадлежностью к одной части речи или обязательным совпадением большинства дифференцирующих признаков. Более подробно данный подход будет описан в параграфе о языковых и контекстуальных антонимах.

Следующие разделы данной главы посвящены разбору структурных и содержательных особенностей оппозитивов. Что касается первого раздела о структурном аспекте, то речь в нем пойдет преимущественно об оппозитивах лексических, как наиболее обширной и хорошо изученной подгруппе. Однако все те словообразовательные средства, которые будут описаны, также используются и для антонимизации единиц в составе многословных антонимов.

2.1. Структурный аспект

В настоящем параграфе мы будем опираться на работу В. Мюллера, согласно которой все антонимы с точки зрения их структуры делятся на имплицитные, эксплицитные и композиты [Müller 2020: 15].

К имплицитным относятся антонимы, образованные без использования словопроизводства, конверсии или словосложения (*groß – klein, klug – dumm, reich – arm*).

Эксплицитные антонимы характеризуются использованием словообразовательных средств: префиксов или суффиксов – как отдельно, так и вместе (*sich verloben – sich entloben, kinderfreundlich – kinderfeindlich, behaart – haarlos*). Кроме того, есть случаи, когда один из членов оппозиции не получает никакого аффикса, при том, что второй член имеет, например, приставку (*rüsten – abrüsten*). Важно также отметить, что основа может иногда отличаться (*aufziehen – zuschieben*). По этой причине пары эксплицитных антонимов также делятся на несколько групп в соответствии с тем, каким именно способом были образованы составляющие их единицы [Müller 2020: 15].

В последнюю группу включены не только композиты, но и антонимы, образованные путем конверсии. Здесь также наблюдается значительное разнообразие. Во-первых, композиты могут содержать и такие корни, которые традиционно в системе языка находятся в отношениях противоположности (*Sommersemester – Wintersemester*), и такие, между которыми подобные отношения возникают только в контексте (*Kartentelefon – Münztelefon*). Во-вторых, противоположность может реализовываться в первом (*kurzfristig – langfristig*), во втором (*Sonnenaufgang – Sonnenuntergang*) или даже в обеих частях композита (*hierher – dorthin*). Особняком стоят пары, основу которых составляют преобразованные антонимы (*bejahen – verneinen*).

В завершение данного параграфа следует повторно обратить внимание на то, что семантическая противоположность может проявляться и в парах,

где единицы имеют грамматико-синтаксические различия (см. в рус. *входит* – *быть на выходе* [Никитин 1988: 110-111], в нем. *Gott sei dank* – *leider*). В подобных случаях противоположность маркируется как грамматико-синтаксически (*jemandem etwas borgen* – *sich etwas borgen*), так и с помощью предлогов (*in den Bus steigen* – *aus dem Bus steigen*) [Müller 2020: 16].

2.2. Содержательно-концептуальный аспект

В первом параграфе данного раздела дан пример описания антонимов при их узком понимании. Второй же параграф посвящен обсуждению нескольких исследований антонимических оппозиций, предлагающих расширенный взгляд на проблему их определения и семантической характеристики.

2.2.1. Оппозитивы в теории М.В. Никитина

В исследовании мы опираемся на работу М.В. Никитина «Основы лингвистической теории значения», в которой все имена, имеющие противоположные значения, объединяются в одну большую группу оппозитивов в соответствии с используемым автором категориально-логическим подходом к типологии оппозиций. Категория – это «понятие, в котором отображены наиболее общие и существенные свойства, признаки, связи и отношения предметов, явлений объективного мира» [Кондаков 1975: 240], поэтому такой подход предполагает выделение типических отличительных черт оппозитивных признаков вне зависимости от того, какой тематической сфере они принадлежат.

М.В. Никитин выделяет следующие типы оппозиций:

- контрарные и контрадикторные
- чисто интенциональные и смешанные интенционально-экстенциональные
- количественные и качественные

- импликационные и классификационные [Никитин 1988: 100]

Восемь типов оппозиций являются выражением восьми различных случаев противоположности. При этом само понятие «антонимии» традиционно связывается не со всеми из них, соответственно и оппозитивы не могут ограничиваться только антонимами, на что уже было обращено внимание ранее.

Отдельно стоит отметить последнее в классификации М.В. Никитина разделение оппозитивов на классификационные и импликационные, где под первыми понимаются антонимы, а под вторыми – конверсивы [Никитин 1988: 97]. При этом только среди классификационных оппозитивов (антонимов) могут быть выделены контрарные и контрадикторные, количественные и качественные, чисто интенциональные и смешанные интенционально-экстенциональные, поэтому целесообразно начать именно с них.

- **Антонимы**

Наиболее часто можно встретить следующее определение антонимов – это «два слова с несовместимым или прямо противоположным значением, относящиеся к одной части речи» [Лаврова 2017: 63]. Антонимия не ограничивается прилагательными – существуют антонимические пары существительных, глаголов, наречий, местоимений, числительных и предлогов. При этом уже встречаются работы, посвященные межчастеречной антонимии [Пестова 2014: 19], что в значительной степени обусловлено возобладанием прагматического подхода при изучении семантических отношений в языке.

Основным условием возникновения антонимических отношений между единицами является их принадлежность к одной и той же концептуальной области, однако антонимы должны занимать ее противоположные полюса. Другими словами, в структуре значения антонимов должен иметься по

крайней мере один дифференцирующий семантический признак при совпадении всех остальных признаков [Müller 2020: 12].

Последний пункт особенно важен, ведь антонимы определяются как слова одной части речи именно потому, что это является следствием выполнения данного условия – совпадения и центральных лексических, и категориально-семантических сем [Stepanova 2003: 28]. Благодаря тому, что антонимы концептуально идентичны во всех отношениях, кроме одного, можно сказать, что они в одно и то же время и максимально, и минимально отличаются друг от друга [Murphy 2003: 44].

Дифференцирующие семантические признаки являются видовыми и обладают неким основанием – общим родовым признаком, который может представлять собой, например, возраст, размер, цвет, диаметр, яркость, массу, длину и т.д. Основание может делиться на две и более частей, но для того, чтобы говорить об оппозитивности признаков, покрывающих это пространство, важно, чтобы оно было внутренне упорядоченным. Проблем не возникает, если речь идет всего о двух взаимоисключающих признаках, однако если основание является многочленным, то признаки в нем должны размещаться относительно друг друга на некоторой оси в соответствии с определенным параметром, чтобы можно было говорить об оппозитивности крайних точек этой оси или об оппозитивности промежуточных значений [Lang 2019: 33].

Согласно с тем, на сколько компонентов делится пространство основания, выделяют контрарную и контрадикторную оппозиции, где вторая возникает в двучленных рядах, а первая – в рядах, состоящих из трех и более признаков. Примерами контрарной оппозиции могут служить сочетания: *никогда – редко – иногда – обычно – часто – всегда, молодой – зрелый – старый*. Как уже было отмечено в предыдущем параграфе, для обозначения контрарных антонимов также используется термин «квалитативы», а для обозначения контрадикторных – «комплементативы».

Наряду с контрарной и контрадикторной оппозициями в других классификациях иногда выделяют также оппозиции диалектические, когда между двумя явлениями или обстоятельствами объективной реальности существуют отношения диалектического противоречия. Члены таких оппозиций хоть и исключают друг друга, однако могут быть и взаимозаменяемыми, и взаимодополняемыми. Такие оппозиции характеризуются еще и тем, что в рамках некоторого целого они, учитывая динамический характер их отношений, представляют собой единство [Agricola 1977: 17].

Что касается контрадикторности, то она может быть и интенциональной (когда признак является «положительным, т.е. таким, что предметы, входящие в объем понятия, мыслятся обладающими определенным свойством» [Михайлов 1987: 3]), и интенционально-экстенциональной (когда второй признак в паре образуется с помощью отрицания первого интенционального признака). Как отмечает М.В. Никитин, в примерах интенциональной контрадикторности почти всегда остается пространство для того, чтобы можно было вставить промежуточное звено [Никитин 1988: 101]. Например, пара *длинный шаг – короткий шаг* может превратиться в ряд *длинный шаг – средний шаг – короткий шаг*. По этой причине контрадикторная оппозиция чаще всего бывает проиллюстрирована примерами, представляющими собой логическое отрицание (*черный – нечерный*). Универсальная почти для всех антонимов асимметричность (редкие исключения *анализ – синтез, индукция – дедукция* и др. [Апресян 1995: 304]) особенно четко отражена в особенностях сочетаемости единиц именно таких пар. Одновременное существование обоих элементов оппозиции при таком отрицании является невозможным и мысленное соединение этих элементов приводит к логическому противоречию.

Третьим пунктом следует разграничение качественных и количественных оппозиций. Основанием для выделения качественной оппозиции между двумя признаками служит их собственное качественное

различие. Иными словами, исследователь в данном случае имеет дело с разными видовыми признаками, у которых хоть и редко, но все-же может встречаться какой-либо общий родовой признак. Так, в паре *мужской – женский* в качестве такого признака выступает пол [Никитин 1988: 101]. Количественные оппозиции отражают, как понятно из названия, количество одного и того же признака как, например, в паре *узкий – широкий* (общим родовым признаком здесь служит ширина).

- **Импликационные и классификационные оппозиции. Конверсивы**

В словаре Т.В. Жеребило находим следующее определение понятию «импликация»: «логическая операция, приблизительно соответствующая сложному обороту, составленному из двух высказываний, соединенных между собой составным союзом 'если, то...'» [Жеребило 2010: 118]. Например, из оборота «*если плита красная, то она раскалена*» (и наоборот), можно вывести импликационно связанную пару признаков *красный – раскаленный/горячий*. Существует частный случай импликационно связанных признаков, когда рассматриваемые единицы являются несовместимыми (*красный – холодный*), что позволяет говорить об их оппозиции. Признаки, составляющие подобные оппозиции, называются конверсивными.

Важно отметить, что конверсия возникает исключительно в несимметричных отношениях [Никитин 1988: 104], которые можно проиллюстрировать примерами: *тетя – племянник/племянница, дать взаймы – взять взаймы, гипоним – гипероним, тоньше – толще* и т.д. Таким образом, очевидно, что в парах, связанных импликационными отношениями, признаки взаимообусловлены. Женщина является *тетей*, потому что у нее есть *племянник*, но женщина, например, *счастлива* не потому, что кто-то рядом *несчастен*. Этим и отличаются классификационные оппозитивы, которые обычно связываются с антонимией.

Конверсия может выражаться и лексическим, и грамматическим, и лексико-семантическим способами [Никитин 1988: 105], при этом ни один из

названных способов передачи конверсии не является периферийным. Важность, например, грамматического способа выражения отмечается в том числе и в толковых словарях лингвистических терминов в соответствующих разделах, посвященных конверсивам. Так, в качестве примера словоформ, образующих конверсивные оппозиции, приводится активная и пассивная формы глагола в немецком языке [Metzler Lexikon Sprache 2016: 367].

2.2.2. Конвенциональные и контекстуальные антонимы

При всем удобстве вышеописанной классификации нельзя не обратить внимания на то, что она сконцентрирована преимущественно на узуальных антонимических парах и почти полностью исключает какие-либо спорные случаи, встречающиеся в контексте.

По этой причине в настоящей работе также используется концепция, предложенная профессором Лундского университета К.Парадиз. Наряду с конвенциональными антонимами, которые носителями языка воспринимаются как наиболее правильные, она также выделяет антонимы контекстуальные, которые в системе языка таковыми не считаются. Два данных вида антонимов на условной шкале занимают крайние точки, между которыми находятся промежуточные с семантической точки зрения варианты [Paradis 2010: 389-392]. По мере продвижения от языковых антонимов к контекстуальным большую роль начинают играть импликации, а не собственно противоположные признаки рассматриваемых единиц.

Пространство между этими крайними точками однако также может быть в некоторой степени дифференцировано. Для этого в настоящем исследовании мы также использовали работу М.В. Никитина, а именно, его дополнительную характеристику тех бинарных оппозиций, которые не точно соответствуют заявленному в предыдущем разделе определению антонимов, хотя они и остаются в рамках одночастеречной антонимии. Сюда относятся единицы, имеющие общую гиперсемию и различающиеся гипосеми (например, *Norden – Süden*); единицы, у которых противопоставление

составляет только часть гипосем (*Katze – Hund*); единицы, характеризующиеся смещением антонимии в результате сильной импликации (*Liebe – Untreue*) [Никитин 1988: 111-113]. Изолированно оппозиции из последней группы в сознании носителя языка не связываются антонимическими отношениями, поэтому уже мало соответствуют критериям языковых антонимов и, следовательно, могут быть отнесены к контекстуальным.

Последние две пары являются примером косвенной лексической противоположности, так как смысловые единицы в них сами по себе не являются полярными и не могут быть размещены на одной шкале, т.е. фактически не составляют оппозиции. Однако если расстояние между значениями таких единиц достаточно велико и если можно распознать общую для них преобладающую сему, то такие единицы могут рассматриваться как имеющие противоположные значения [Herberg 1992: 247]. То же справедливо и для других факультативных антонимических пар.

Что касается контекстуальных пар, они в свою очередь представлены общепозэтическими и индивидуально-авторскими противопоставлениями, но ошибочно было бы предполагать, что такие пары состоят из случайно сопоставленных единиц: абсолютное их большинство – это авторские варианты тех или иных языковых оппозиций [Моисеева 2010: 289]. Что касается общепозэтических антонимов, то большинство из них строится на сдвиге в результате сильной импликации, поэтому разница между двумя этими видами несущественна. Остается только добавить, что почти все случаи межчастеречной антонимии являются контекстуальными.

3. Выводы по первой главе

В первой главе настоящей работы мы разобрали теоретические основы исследования антонимии, сделав особый акцент на объяснении связанной с данной темой терминологии. Основные выводы по главе можно представить в следующем виде:

1. Антонимия представляет собой постоянную категорию в системе языка, которая связана с понятиями «противоположность» и «отрицание». Антонимические отношения возникают вследствие отрицания признака, и именно уровень отрицания, определяющий переход от противопоставления к противоположности, позволяет характеризовать качество оппозиции. Для выражения противоположности в речи кроме антонимов также используются конверсивы, и вместе их объединяют в одну большую группу оппозитивов.
2. В зависимости от степени закреплённости в языке антонимы делятся на конвенциональные и контекстуальные. Конвенциональные антонимы узуальны, чаще всего представлены лексическими оппозициями, выражают противоположные признаки или содержат в себе противоположные гипосемы/части гипосем. Ядром конвенциональных антонимов являются антонимы языковые. Контекстуальные антонимы образуются без каких-либо структурных или семантических ограничений и обычно характеризуются как переосмысленные или дополненные варианты языковых антонимов.
3. Значительную роль в поэтическом тексте играют оппозиции, образованные путем сдвига антонимии в результате действия сильной импликации. Большинство таких антонимов являются общепоэтическими, поэтому они занимают промежуточное положение между конвенциональностью и контекстуальностью. Чем слабее импликация, тем больше оснований утверждать, что перед нами авторские антонимы.

II. Семантико-прагматическая характеристика антонимических номинаций в произведениях И.В. Гёте

1. Характеристика материала

Прежде всего поясним выбор материала для нашего исследования. Первым источником примеров послужит «Фауст» – произведение, которое многие исследователи считают одним из самых значимых в истории немецкой литературы [Albrecht 1962: 177] и которое предоставляет неисчерпаемые ресурсы для анализа самого разного плана, в том числе и лингвистического. В «Фаусте» проявилось характерное для той эпохи желание поэтов преодолеть «натурализм в искусстве» и сохранить «поэтическую свободу». Как именно поэтический язык может использовать драматург, который видит себя поэтом, И.В.Гёте мастерски показывает, используя в своей трагедии разные стихотворные формы. Фауст у И.В.Гёте является фигурой эпохи Возрождения, однако поэт сознательно историзирует свой сюжет и выбирает стих, который доминировал в немецкоязычном мире в 15 и 16 веках [Handbuch Lyrik 2016: 195]. Понятия «противоположности» и «отрицания», которые ассоциируются с «Фаустом», в первую очередь, с точки зрения его литературоведческой интерпретации, в этом исследовании будут рассматриваться через призму антонимических номинаций, в которых они находят свое отражение.

Помимо «Фауста» мы обратились к сборнику избранной лирики И.В. Гёте, составленному А.А. Аникстом. Во-первых, несмотря на значительный объем «Фауста», нельзя ограничиться лишь одним этим произведением, не затронув остальных лирических жанров, где могут проявиться другие семантико-прагматические особенности антонимических пар. Во-вторых, сборник А.А. Аникста состоит из произведений, которые относятся к разным периодам творчества И.В. Гёте и различаются как по форме, так и по содержанию. В-третьих, сборником определяются разумные и необходимые для нашего исследования рамки, ведь ни один другой немецкий поэт не

создал такого богатого корпуса лирических произведений и не достиг высшего совершенства в стольких различных формах [Goethe-Handbuch 2004: 1], так что проанализировать их все было бы невозможным.

В практической главе будут рассмотрены наиболее интересные примеры функционирования антонимов в поэтическом тексте. Собранный материал можно разделить на две группы: на конвенциональные и контекстуальные антонимы. Для некоторых антонимов это деление условно, но далеко не для всех (так, например, межчастеречные оппозиций однозначно относятся к контекстуальным антонимам). Как мы уже говорили, антонимические отношения возникают в контексте и сильно от него зависят – соответственно, интерпретация текста может влиять и на восприятие антонимии. Влиянию поэтического языка на устоявшиеся антонимические пары и их семантико-прагматической характеристике будет уделено особенное внимание.

2. Конвенциональные антонимы в стихотворном тексте

Рассмотрение антонимов логично начать с «классических» вариантов антонимии, когда члены оппозиции характеризуются однословностью, принадлежностью к одной и той же части речи и, самое главное, содержат противоположные признаки. Примеров, в которых антонимия выражается имплицитно, в поэтических текстах довольно мало. Это могут быть существительные (здесь и далее все приведенные пары проверены по словарю синонимов и антонимов [Bulitta 2020]):

(1) *Da möcht ich mehr und immer mehr;*

Der Tag wird mir nicht lang;

Wenn ich die Nacht auch bei ihr wär;

Davor wär mir nicht bang. [I, 65-66]

(2) *»O schönes Käthchen! Du bist gut.*

Du hältst vom Tode mich zurück,

*Auf immer dank ich dir mein Leben;
Allein das heißt mir wenig geben,
Nun sei auch meines Lebens Glück!» [I, 66]*

Глаголы:

(3) *Warum nennt mein Lied dich zuletzt?*

*Dich, von dem es begann,
Dich, in dem es endet,
Dich, aus dem es quillt,
Jupiter Pluvius!*

В данном случае рядом с узувальными антонимами *beginnen* — *enden* мы видим противопоставляемый им глагол *quellen*, который здесь обозначает процесс в промежутке между началом и завершением действия. За счет выстраивания такой триады более очевидными становятся отношения контрастности между *beginnen* и *enden*. В то же время можно заметить расширение семантического поля антонимии за счет активизации у глагола *quellen* семы, связанной с обозначением источника, начала чего-либо.

Прилагательные:

(4) *Ich bin so schwach, ich bin so stark,*

Mir ist so wohl, so weh!» [I, 65-66]

(5) *Zufrieden jauchzet groß und klein:*

Hier bin ich Mensch, hier darf ich's sein!» [II, 32]

Наречия:

(6) *Vergeß' ich doch, vergeß' ich gern,*

Wie seltsam mich das Schicksal leitet;

Und ach, ich fühle, nah und fern

Ist mir noch manches zubereitet.» [I, 82]

(7) *Ich seh sie dort, ich seh sie hier
Und weiß nicht auf der Welt,
Und wie und wo und wann sie mir,
Warum sie mir gefällt.*[I, 65-66]

Местоимения:

(8) *Dann wird bald dies, bald jenes aufgeregt
Ein jeder sieht, was er im Herzen trägt.* [II, 11]

Однако среди антонимов первой группы преобладают те, что были образованы при помощи различных словообразовательных средств, т.е. эксплицитные. Если оба члена оппозиции являются, например, дериватами, имеющими одни и те же аффиксы, или конверсивами, то в данном случае словообразование не играет большой роли для определения антонимии:

(9) *Freudvoll
Und leidvoll,
Gedankenvoll sein,
Langen
Und bängen
In schwebender Pein* [I, 69]

(10) *Taglang nachtlang stand mein Schiff befrachtet;
Günst'ger Winde harrend, saß mit treuen Freunden,
Mir Geduld und guten Mut erzechend,
Ich im Hafen.*[I, 79-80]

(11) *Ein Teil von jener Kraft,
Die stets das Böse will und stets das Gute schafft.*[II, 43]

(12) *Nun lass auch Morgen sein wie Heute
Und lehr mich, ihrer würdig sein.* [I, 44]

В приведенных примерах единицы получают одно и то же грамматическое значение, поэтому противоположность семантических признаков определяется только по корню и не так важно, имеем мы дело, например, с наречиями (ниже) или с их субстантивированными формами (предыдущий пример):

(13) *Was heute nicht geschieht, ist morgen nicht getan* [II, 13]

Вместе с тем антонимические отношения могут возникать в результате использования аффиксов с противоположным значением как в следующем отрывке:

(14) *Es schweben die Wolken*

Abwärts, die Wolken

Neigen sich der sehnenen Liebe.

Mir! Mir!

In eurem Schoße

Aufwärts! [I, 58]

(15) *Ewiges Düstre steigt herunter,*

Sonne geht nicht auf noch unter [II, 332]

Если один из членов оппозиции имеет аффикс, обозначающий отрицание признака, то в таких случаях можно говорить о контрадикторности, притом по смешанному интенционально-экстенциональному типу, так как пространство основания делится строго на две части:

(16) *Soll der zurückkehren, erwartend*

Nur deine Gaben, Vater Bromius,

Und helleuchtend umwärmend Feuer?

Der kehren mutig?

Und ich, den ihr begleitet,

Soll mutlos kehren? [I, 54]

(17) *Schau ich nicht Aug in Auge dir,*

Und drängt nicht alles

Nacht Haupt und Herzen dir

Und webt in ewigem Geheimnis

Unsichtbar-sichtbar neben dir? [II, 103]

2.1. Случаи сдвига антонимии вследствие сильной импликации

Антонимы из первой группы, между которыми и в контексте сохраняются отношения противоположности, могут быть легко классифицированы в соответствии с описанными нами характеристиками. В этих случаях не представляется особенно сложным отличить качественные антонимы от количественных, а контрарные от контрадикторных. Рассмотрим, например, следующие оппозиции:

(18) *Halt ein! ich wollte lieber fragen:*

Warum sich Mann und Frau so schlecht vertragen?

Du kommst, mein Freund, hierüber nie ins reine. [II, 201]

(19) *Sieh, welch ein zierliches Geschlecht!*

Das ist die Magd! das ist der Knecht! [II, 71]

Пространство основания делится строго на две части, а члены оппозиции представляют качественно разные признаки. Исходя из этого мы делаем вывод, что перед нами антонимы контрадикторные, чисто интенциональные и качественные. Использование антонимических номинаций во многих случаях обусловлено в том числе и стремлением к ясности, которая может обеспечиваться не только благодаря последовательности изложения, но и как раз благодаря четким противопоставлениям [Lausberg 1990: 50].

Однако далеко не всегда присутствие даже конвенциональных антонимов в тексте способствует его однозначному прочтению, так как синтаксическое устройство фразы, ее лексическое наполнение, интонация, соотнесенность с уже известной читателю информацией могут влиять на восприятие текста так, что противоречие отойдет на второй план, не будет считываться сразу или приобретет новый смысл. Особенно это касается стихотворных текстов, в которых форма сама по себе транслирует дополнительное содержание. Соответственно, чтобы наполнить антонимическую оппозицию таким содержанием, нужно переосмыслить ее стандартное значение и использовать все доступные средства так, чтобы и реципиент мог это новое сообщение распознать.

Проанализируем пример оппозиции, которая часто описывается в справочной литературе, посвященной проблемам антонимии и которая также встретилась нам у И.В.Гёте:

(20) *Tor und Türe find ich offen!*
Nun, da läßt sich endlich hoffen,
Daß nicht wie bisher im Moder
Der Lebendige wie ein Toter
Sich verkümmere, sich verderbe
Und am Leben selber sterbe. [II, 196]

С одной стороны, перед нами четкое противоречие, выраженное в субстантивированных прилагательных *der Lebendige — ein Toter*. С другой же стороны, весь смысл фразы заключается в их сравнении, в совмещении несовместимого, за счет чего создается промежуточное звено *Der Lebendige wie ein Toter*, что само по себе противоречит определению контрадикторности.

Некоторые исследователи склонны рассматривать подобные примеры как случаи временной модификации системы языка. Предполагается, что автор такого высказывания либо оценивает различные вторичные

импликации и коннотации контрадикторных антонимов, либо в принципе не классифицирует их в терминах оппозиции «да/нет», т.е. не определяет отношения между антонимами как противоречие [Kostić 2017: 591].

Общий эффект усиливается за счет создания в последней строке еще одного оксюморона, выраженного сочетанием *am Leben sterben* (о межчастеречной антонимии речь пойдет в следующем разделе). Таким образом достигается в том числе и семантическая связность текста, которая может строиться на варьированных повторах центральной антитезы.

Интересные наблюдения можно сделать и относительно количественных антонимов:

(21) *Wie? Dort hinten in der Zelle*

Sitzt noch einer dunkel-helle!

Nahend seh ichs mit Erstaunen:

Sitzt er noch im Pelz, dem braunen,

Wahrlich, wie ich ihn verließ,

Noch gehüllt im rauhen Vlies! [II, 196]

Прилагательные *dunkel* и *hell* передают степень выраженности одного и того же признака. Отдельно они располагаются на противоположных концах одной и той же оси «наличие/количество света», но в данном контексте, объединяясь, образуют для этой оси некоторое усредненное значение, куда более размытое с точки зрения семантики. Узуальное использование антонимов нарушается в пользу образности. Кроме того, так проявляется типичный для художественной литературы прием нарушения читательских ожиданий.

Таким образом, цель поэта во многом состоит в том, чтобы избежать привычных сочетаний, тем самым привлечь внимание читателя или слушателя и воздействовать на него. Рассмотренные нами выше примеры представляют собой случаи создания оксюморона за счет сочетания обычно взаимоисключающих понятий – антонимов. Такой способ, однако, является

далеко не единственным, ведь даже небольшое смещение на шкале «конвенциональность → контекстуальность» и выбор в пользу менее привычного варианта уже может создать нужный автору эффект. Рассмотрим следующий отрывок:

(22) *Und Stürme brausen um die Wette
Vom Meer aufs Land, vom Land aufs Meer,
und bilden wütend eine Kette
Der tiefsten Wirkung rings umher.*[II, 14]

С одной стороны, перед нами антонимическая пара, которая строится на противопоставлении только части гипосем, потому что у членов этой оппозиции сложно выделить общее основание (общую гиперсему). По этой причине на нашей шкале она занимает промежуточное положение между конвенциональными и контекстуальными антонимами. С другой стороны, косвенная лексическая противоположность этого типа (и данная конкретная пара *Land – Meer* в качестве примера такой противоположности) широко распространена в языке, что напрямую свидетельствует о ее конвенциональности. Этот тезис подтверждается в том числе и данными из словаря [Bulitta 2020: 527].

Сравним данную оппозицию с ее варьируемым повтором, приведенным чуть ниже в речи того же персонажа – Рафаэля:

(23) *Es schäumt das Meer in breiten Flüssen
Am tiefen Grund der Felsen auf,
Und Fels und Meer wird fortgerissen
In ewig schnellem Sphärenlauf.* [II, 14]

Для поэзии в принципе особенно характерна экономия в использовании слов, частые повторы (так называемые лейтмотивы) и целенаправленные вариации [Burdorf 2015: 21]. Антонимия в данном случае смещается за счет сильной импликации, которая предполагает наличие в сознании реципиента

однозначной связи между словами *Land* и *Fels*, так что *Fels* может заменить *Land*, не нарушая при этом общего характера противопоставления. Иными словами, мы все еще имеем дело с оппозицией *Land – Meer*, которая была дополнена метонимией, построенной на замене целого частью.

Рассмотрим еще один пример для данной антитезы, но уже не из «Фауста»:

(24) *Ihr seid rein, wie das Herz der Wasser,*
Ihr seid rein, wie das Mark der Erde,
Ihr umschwebt mich, und ich schwebe
Über Wasser, über Erde,
Göttergleich. [I, 53]

То, что перед нами оппозиция «суша – море», становится очевидным, прежде всего, из второй части отрывка. По первой же части можно было также предположить противопоставление природных стихий, но снова нетипичное, ведь вода обычно составляет оппозицию огню. По запросу в поисковой системе оппозиции «*Erde – Wasser*» также в первую очередь выводится информация о четырех элементах. И если *Erde* и *Land* взаимозаменяемы во множестве контекстов, включая рассматриваемый нами, то использование *Wasser* вместо *Meer* в качестве обозначения водной глади не является стандартным вариантом [Agricola 1992: 203, 397, 424, 746]. Таким образом, в данном случае перед нами уже контекстуальные, авторские антонимы.

Можно также обратить внимание на то, как оппозиция *Wasser – Erde* дополняется парой *Herz – Mark*, которая в принципе строится на отношениях синонимии, ведь *Mark* здесь выступает в своем переносном значении как центр, сердцевина, нутро [Agricola 1992: 419]. Прежде всего в *Herz* и *Mark* в качестве основной актуализируется сема центральности, но за счет связи с оппозицией *Wasser – Erde* также усиливаются и противоположные признаки этих слов. Так, мы не могли бы поменять *Herz* и *Mark* местами, ведь в слове

Mark есть семы, связанные с твердостью (ср. *Knochenmark, kein Mark in den Knochen haben*), что плохо соотносится с тем ассоциативным рядом, который обычно возникает при мысли о воде (по крайней мере, в ее жидком состоянии). Оговоримся, что в данном случае речь идет не об антонимии, а именно о подчеркивании различий между *Herz* и *Mark*, когда они используются в переносном значении.

Рассмотрим несколько подробнее слово *Herz*. Антонимические связи оно создает также только в тех случаях, когда является символом для обозначения более абстрактного понятия, но не когда используется в своем первом значении. Чаще всего, речь идет о противопоставлении мира чувств царству разума. Например:

(25) *Dein Sinn ist zu, dein Herz ist tot!*
Auf, bade, Schüler, unverdrossen
Die ird'sche Brust im Morgenrot! [II, 19]

В данном случае перед нами снова пример преобразования классической пары *Sinn – Gefühle* в пару *Sinn – Herz* в результате действия импликации, условно выражаемой следующей связью: сердце – это орган, ответственный за человеческие чувства. Таким образом, можно сделать вывод, что сдвиг в сторону контекстуальности совершается благодаря включению в текст метонимии. Рассмотрим еще два варианта:

(26) *Habt Ihr von Gott, der Welt, und was sich drin bewegt,*
Vom Menschen, was sich ihm in Kopf und Herzen regt,
Definitionen nicht mit großer Kraft gegeben,
Mit frecher Stirne, kühner Brust? [II, 91]

(27) *Schau ich nicht Aug in Auge dir,*
Und drängt nicht alles
Nach Haupt und Herzen dir
Und webt in ewigem Geheimnis

Противопоставление проходит по той же линии «разум – чувства», однако теперь уже оба члена оппозиции используются в переносном смысле: перед нами также метонимия, которая строится на замене абстрактных понятий конкретными объектами. Между *Kopf* и *Haupt* есть важное различие: *Haupt*, в отличие от нейтрального *Kopf*¹, относится к высокому стилю и в абсолютных цифрах используется в конце XVIII – начале XIX вв. в четыре раза реже, что позволяет нам говорить о еще большем смещении антонимической пары в сторону контекстуальности.

Рассмотренные антонимические пары *Sinn – Herz*, *Kopf – Herz*, *Haupt – Herz* служат наглядным подтверждением тезиса о том, что авторские оппозиции представляют собой расширенные языковые оппозиции. Если между противопоставленными словами в данных парах возникают вертикальные антонимические связи, то между словами *Sinn*, *Herz* и *Kopf* мы можем определить горизонтальные синонимические связи. Таким образом, совокупность всех единиц, между которыми существуют антонимические и синонимические связи в рамках изначально заданного противопоставления «разум – чувства» и которые в пределах этого противопоставления могут быть взаимозаменяемыми, представляет собой единый антонимический блок.

Интересно, что нами не было найдено ни одного примера, в котором был бы изменен порядок следования антонимов на *Herz – Kopf*. Учитывая такую тенденцию, можно предположить, что перевернутая пара «чувства – разум» на нашей шкале могла бы располагаться еще правее, ближе к полю контекстуальности, ведь такой порядок слов не кажется для И.В.Гёте типичным. Стоит оговориться, что подобное предположение имеет право на существование исключительно в контексте рассмотрения творчества И.В. Гёте: вполне возможно, что мы могли бы сделать противоположные выводы, анализируя произведения другого автора.

¹ Проверено по корпусу DWDS (см. библиографическое описание корпуса в разделе «Электронные ресурсы»)

2.2. Антонимия на примере семантического поля «радость — грусть»

Случаи сдвига антонимии, которые мы описали выше, в этом параграфе будут рассмотрены на примере противопоставления «радость – грусть». Как и в предыдущем случае между словами, которые относятся к данному семантическому полю, возникают разнообразные отношения, что позволяет распределять их дальше по лексико-семантическим и тематическим группам. Такое распределение является наглядным доказательством системности лексики.

Все формы образной речи возникают в результате связи между двумя различными семантическими областями, а за счет дополнительных ассоциаций и коннотаций создается избыток смысла, который оказывает воздействие на реципиента [Handbuch Lyrik 2016: 56-57]. В нашем случае имеется семантическое поле эмоций, которое условно делится на две большие семантические области или лексико-семантические группы: положительные эмоции («радость») и отрицательные эмоции («грусть»). Обозначения «радость» и «грусть» служат здесь только в качестве обобщений для широкого спектра эмоций. Так, семантические области дальше могут включать в себя разнообразные тематические группы. Например, в группу «страх» мы можем отнести слова «опасение», «тревога», «испуг», «паника», «ужас» и т.д. Таким образом, характеристика антонимической пары с точки зрения ее конвенциональности будет зависеть от того, как между собой соотносятся тематические группы, к которым принадлежат члены этой пары.

Начнем с антонимических пар со словом *Freude*:

(28) *Aus dieser Erde quillen meine Freuden,*

Und diese Sonne scheint meinen Leiden. [II, 51]

Для данного семантического поля антонимическая пара *Freuden – Leiden* самая типичная: во-первых, эта оппозиция чаще всего встречается у И.В. Гёте, причем в разных вариантах (см. пример *freudvoll – leidvoll*);

во-вторых, узуальность подтверждается указаниями из словарей², в том числе и фразеологизмом – «in Freud und Leid zusammenhalten» [Duden 2015: 644]. Сравним со следующим отрывком из стихотворения «Meine Göttin»:

(29) *Denn uns allein*
Hat er sie verbunden
Mit Himmelsband
Und ihr geboten,
In Freud und Elend
Als treue Gattin
Nicht zu entweichen [I, 87]

Elend здесь выступает в качестве синонима к слову *Leid*, которое в словаре определяется как «tiefer seelischer Schmerz» [Duden 2015: 1117]. Однако у *Elend* есть еще и второе значение – «Armut, Not» [Duden 2015: 509]. Это один из примеров смещения антонимии, которое мы подробно рассматривали в предыдущем параграфе. При этом импликации могут быть разные. Так, в нашем случае предполагается связь печали, горя с бедностью и нуждой.

Обратимся к отрывку из стихотворения «An die Mutter»:

(30) *So wenig weicht die Zärtlichkeit für dich*
Aus meiner Brust, obgleich des Lebens Strom
Vom Schmerz gepeitscht bald stürmend drüber fließt,
Und von der Freude bald gestreichelt still [I, 37]

С одной стороны, *Schmerz* здесь тоже выступает в своем втором значении как синоним к *Leid* и *Kummer*. С другой же стороны, первое и основное его значение – «sehr unangenehme körperliche Empfindung» [Duden 2015: 1547] – актуализируется благодаря глаголу *peitschen*. В данном случае сдвиг определяется отношением «боль → печаль» или формулой «если

² Проверено по словарю «DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache» (см. раздел «Электронные ресурсы»)

печально, то причина – боль». Тот же сдвиг наблюдаем в следующем примере, но уже со словом *Pein*:

(31) *Der Freude folgt sogleich
Grimmige Pein.* [II, 287]

Причинно-следственные отношения делают возможным сдвиг и в случае со словом *Verderben*, которое означает «Unglück, Verhängnis, das über jmdn. kommt» [Duden 2015: 1884]. Таким образом, импликация выражается схемой «гибель → печаль»:

(32) *Und die Trompete
Lassen wir werben,
Wie zu der Freude
So zum Verderben.* [II, 31]

Нужно заметить, что если в первом случае пары, возникшие в результате импликации «боль → грусть», находятся ближе к полю конвенциональности и представляют собой скорее общепозитические антонимы, то оппозиция «*Freude – Verderben*», напротив, является чисто авторской.

Существуют смещения и несколько иного характера, когда мы наблюдаем усиление признака. Так, форма множественного числа *Qualen* от *die Qual* характеризует «länger andauernde, [nahezu] unerträgliche Empfindung des Leidens» [Duden 2015: 1406]:

(33) *Nach unsaglichen
Freuden und Qualen
Früher Jugendzeit
Angefrischt zu gedenken.* [II, 250]

В результате перед нами выстраивается сложная сеть взаимоотношений между синонимами – возможными членами антонимической оппозиции:

(34) *Der du von dem Himmel bist,
Alles Leid und Schmerzen stillest,
Den, der doppelt elend ist,
Doppelt mit Erquickung füllest,
Ach, ich bin des Treibens müde!
Was soll all die Qual und Lust?
Süßer Friede!
Komm, ach komm in meine Brust! [I, 82]*

Мы можем не останавливаться только на оппозициях с *Freude* и рассмотреть пары, в которых позитивные эмоции обозначаются иначе. Например, *Lust* из приведенного выше отрывка означает и радость от удовлетворения желаемого, и внутреннюю потребность что-то сделать или получить [Duden 2015: 1149]. Неслучайно *Lust* используется в следующем контексте:

(35) *Zu Leiden wandelt sich die Lust! [II, 174]*

Кроме того, пары *Qual – Lust*, *Leiden – Lust* служат в данных отрывках еще и средством звуковой организации текста.

Удовлетворение от получения желаемого также выражают *Glück* и *Genuß*:

(36) *Schon verloschen sind die Stunden,
Hingeschwunden Schmerz und Glück;
Fühl es vor: du wirst gesunden! [II, 140]*

(37) *Du hörst ja: von Freud ist nicht die Rede!
Dem Taumel weih ich mich, dem schmerzlichsten Genuß,
Verliebtem Haß, erquickendem Verdruß. [II, 53]*

В первую очередь в последнем примере внимание на себя обращает ряд оксюморонов, построенных на несовместимости атрибутов с объектами,

которое они характеризуют. В каждом отдельном случае имеет место межчастеречная авторская антонимия, которую можно свести к антонимическим парам, в которых члены оппозиции относятся к одной и той же части речи. Так, мы получаем оппозиции *Schmerz – Genuß*, *Liebe – Haß*, *Erquickung – Verdruß*. Из данных пар только во второй антонимы могут быть охарактеризованы как языковые, а затем как контрарные, чисто интенциональные и качественные. Пара *Schmerz – Genuß*, построена, как и большинство общепозитических пар, на смещении вследствие сильной импликации.

Что касается последней пары *Erquickung – Verdruß*, то она остается в группе авторских антонимов: связь между членами оппозиции менее очевидная, импликация слабая, противопоставление нельзя назвать общепозитическим. Однако интересно отметить, что в примере (34) нам уже встречалась межчастеречная антонимическая пара *Erquickung – elend*. Можно предположить, что противопоставления с дериватами от *erquicken* вполне конвенциональны именно для творчества И.В.Гёте.

Вместе с тем в данном примере не реализуется потенциальное противопоставление *Genuß – Verdruß*, так как их противоположные гипосемы в данном контексте ослабляются: *schmerzlichster Genuß* – это уже не наслаждение в чистом виде, а скорее смесь разных ощущений, как и в случае с *erquickender Verdruß*.

Мы не нашли ни одной пары, в которой второй компонент передавал бы более точно противоположное значение *Genuß* – т.е. разочарование от неполучения чего-либо (например, со словом *Enttäuschung*), но в то же время обнаружили пару контрадикторных антонимов *Glück – Unglück*:

(38) *Glück und Unglück wird zur Grille,*

Er verhungert in der Fülle,

Sei es Wonne, sei es Plage,

Schiebt ers zu dem andern Tage,

Ist der Zukunft nur gewärtig,

Und so wird er niemals fertig. [II, 332]

В завершение данного параграфа приведем еще два примера: с существительным *Wonne*, обозначающим высшую степень удовлетворения и радости [Duden 2015: 2041], и с существительным *Entzücking* – радость, граничащая с восторгом [Duden 2015: 519].

(39) *Doch ach, schon mit der Morgensonne*

Verengt der Abschied mir das Herz:

In deinen Küssen welche Wonne!

In deinem Auge welcher Schmerz! [I, 48]

(40) *Was fällt Euch an? Entzückung oder Schmerzen?* [II, 10]

Если в первом случае очевидно противопоставление «приятные ощущения – неприятные ощущения», то во втором требуется оговорка относительно значения слова *Schmerzen*. С грамматической точки зрения речь идет не о множественном числе существительного в значении «боли», а о субстантивированном глаголе в значении «мучение». Словообразование, а именно – конверсия, во многом определяет характеристику данной антонимической пары с точки зрения узуальности/окказиональности, потому что изменение значения в данном случае предполагает изменение импликации. Иными словами, перед нами импликационно связанные несовместимые понятия, но эта связь между «восторгом» и «болями» была бы слабее, чем она есть между «восторгом» и «мучением» как минимум потому, что во втором случае совпадают гипосемы интенсивности признака.

3. Авторские контекстуальные антонимы

В последнем разделе второй главы рассмотрим примеры авторских контекстуальных антонимов, при анализе которых возникает больше всего сложностей. С одной стороны, говорящие вполне могут полагаться на то, что они знают об обычных оппозициях, при интерпретации новых примеров, с которыми они сталкиваются [Jeffris 2010: 58], что мы неоднократно

продемонстрировали при разборе конвенциональных антонимов. С другой стороны, в большинстве случаев мы имели дело с антонимами однословными и принадлежащими к одной части речи. К тому же, большинство приведенных нетипичных оппозиций подходило под параметры общепозитических. В связи с этим встает вопрос, насколько справедливо и справедливо ли вообще предполагать, что к языковым сводятся абсолютно любые авторские антонимы.

В прошлом разделе мы уже встречались с примерами авторской антонимии. Главным образом она характеризуется слабой импликационной связью между членами оппозиции и зависимостью от контекста. Авторские антонимы могут быть как однословными, так и многословными, и к тому же принадлежать к разным частям речи. В следующих параграфах речь пойдет преимущественно именно о таких случаях.

3.1. Однословные антонимы

В первом параграфе мы рассмотрим примеры межчастеречной антонимии в парах глагол – существительное, прилагательное – существительное, глагол – прилагательное и числительное – существительное.

- **Глагол – существительное:**

(41) *Erröten und erblassen*

Sieh sein Gesicht;

Der Schlaf hat ihn verlassen,

Doch wacht er nicht. [I, 45]

В данном случае оппозиция *Schlaf – wacht* причисляется к авторским в большей степени потому, что соединяет разные части речи и, следовательно, не может считаться конвенциональной. Фактически же, если провести словообразовательный разбор отглагольного существительного *Schlaf*, то мы получим языковые антонимы *schlafen – wachen*: контрарные (промежуточным

звеном мог быть один из следующих глаголов: *nicken, schlummern, dösen*), интенциональные, качественные.

Обратим также внимание на пару *erröten – erblassen*. Члены данной оппозиции представляют собой суффиксальные дериваты от прилагательных *rot* и *bläss*. Структура в данном случае не играет особенной роли, так как суффиксы одинаковые и добавляют обеим единицам одно и то же грамматическое значение. По этой причине целесообразно сразу анализировать пару *rot – bläss*.

В первую очередь мы могли бы предположить, что это результат смещения антонимии в языковой паре *rot – weiß*, где *weiß* имплицитно связан с *bläss*. Однако в таком случае мы не можем говорить об антонимии, так как цвета формируют набор несовместимых друг с другом признаков (так же, как и, например, дни недели) и не могут быть расположены на шкале, где по меньшей мере крайние точки противопоставляются. Частотным исключением можно считать пару *schwarz – weiß*, но только в тех контекстах, где эти цвета отражают противопоставление *Dunkelheit – Licht* [Lehrer 1982: 495].

С другой стороны, прилагательные здесь могут отражать разные душевные состояния, однако это необязательно следует из контекста, и к тому же определить, какие именно состояния имеет в виду автор, не представляется возможным. Таким образом, однозначно отметить антонимию в этой паре невозможно.

- **Прилагательное – существительное:**

(42) *Wer kann es fühllos sehen,*

Wer wird nicht heiß,

Und wär' er von den Zehen

Zum Kopf von Eis![I, 45]

В данном отрывке всего три оппозиции: *fühllos – heiß, heiß – von Eis* и *Zehen – Kopf*. Мы уже рассмотрели множество примеров, подобных последнему, где языковая антонимия (*oben – unten*) расширяется за счет

метонимии, а именно – замены абстрактного понятия конкретным объектом (*oben* → *Kopf*, *unten* → *Zehen*). Что касается остальных двух, то имеет смысл рассмотреть их вместе как оппозицию *heiß* – *fühllos/von Eis*.

В этой оппозиции *fühllos* и *von Eis* связаны синонимическими отношениями и выступают как варианты одного и того же антонима, который можно определить, если воссоздать исходную языковую антонимическую пару. *Fühllos* – это устаревшая форма, которая относится к высокому стилю. Языковым антонимом для *fühllos* (*gefühllos*) можно считать наречие *gefühlvoll*, которое имеет очень высокую частотность³. В приведенном фрагменте антонимия смещается с узувального *gefühlvoll* на образное *heiß*.

Языковым антонимом для *heiß* является *kalt*. Можно привести несколько аргументов в пользу того, что авторская антонимия строится на переосмыслении именно этого члена оппозиции. Во-первых, имплицитно *kalt* очень сильно связан с *Eis*. Во-вторых, *kalt* в значении «бесчувственный» употребляется слишком часто, чтобы придать тексту дополнительную выразительность, поэтому переход к метафорическому *von Eis* закономерен для поэтического текста. (Кроме того, пара *heiß* – *von Eis* рифмуется, за счет чего в том числе создается звуковой образ отрывка). В-третьих, можно также обратить внимание на то, что *fühllos* имеет чаще употребляемый в современном языке синоним *gefühlskalt*.

- **Глагол – прилагательное:**

(43) *Fahr hin ! Die schlechte Litanei,*
Sie konnte selbst den klügsten Mann betören.[II, 332]

В этом случае авторская межчастеречная антонимия *klügste* – *betören* также сводится к языковой паре *klug* – *dumm*.

- **Числительное – существительное:**

³ Проверено по корпусу DWDS (см. библиографическое описание корпуса в разделе «Электронные ресурсы»)

(44) *In bunten Bildern wenig Klarheit,
Viel Irrtum und ein Fünckchen Wahrheit,
So wird der beste Trank gebraut,
Der alle Welt erquickt und auferbaut.* [II, 11]

Второй член языковой оппозиции *viel* – *wenig* заменяется на существительное *Fünckchen*, образованное при помощи уменьшительно-ласкательного суффикса *-chen*. Здесь пара *viel* – *ein Fünckchen* дополняет более конвенциональную оппозицию *Irrtum* – *Wahrheit*, которая, однако, попадает в разряд общепозитических, потому что языковым антонимом *Wahrheit* правильнее было бы назвать существительное *Lüge*. Таким образом, мы снова имеем дело с сильной импликацией: *Lüge* → (становится причиной для) *Irrtum*.

3.2. Антонимы, состоящие из нескольких слов

В завершение коротко опишем примеры антонимов, состоящих из нескольких слов. Вопреки тому, что они куда хуже поддаются категоризации, среди них тоже встречаются довольно очевидные оппозиции, которые следовало бы считать антонимическими несмотря на их многословность:

(45) *Entschlafen sind nun wilde Triebe
Mit jedem ungestümen Tun;
Es reget sich die Menschenliebe,
Die Liebe Gottes regt sich nun.* [II, 39]

В данном случае перед нами варьированный повтор существительного *Liebe* с разными формами определения. В первом случае это определительный корень *Menschen* как часть композита *Menschenliebe*, во втором – постпозитивный генитивный атрибут *Gottes*. Несмотря на структурное различие, *Menschen* и *Gottes* выполняют одну и ту же грамматическую функцию. Так, если мы преобразуем *die Liebe Gottes* в композитум *die Gottesliebe*, семантика не изменится, только структурные и

стилистические характеристики: в случае с *die Liebe Gottes* можно указать на акцент в слове *Gottes*, который обеспечивается постпозицией атрибута. Таким образом, несмотря на многословность, данные антонимы сводятся к узуальному противопоставлению *Mensch – Gott*.

Рассмотрим отрывок, в котором сразу соединяются несколько приемов авторской антонимизации текста:

(46) *Da dank ich Euch; denn mit den Toten
Hab ich mich niemals gern befangen.
Am meisten lieb ich mir die vollen, frischen Wangen.
Für einen Leichnam bin ich nicht zu Haus;
Mir geht es wie der Katze mit der Maus.*[II, 16]

Первым делом следует обратить внимание на метонимию типа целое → часть, которая отражена в переносе акцента с человека на его щеки – *Wangen*. Оппозиция формируется только за счет определений *voll, frisch*, появившихся в результате сдвигов «*lebendig* → *frisch*», «*lebendig* → *voll*». Об антонимических отношениях в паре *lebendig – tot* мы писали в предыдущем разделе. Таким образом, поэт разворачивает пару языковых антонимов, заменяя узуальный член оппозиции импликационно связанными с ним вариантами и используя метонимию. Помимо этого в отрывке наблюдается вторая оппозиция *volle, frische Wangen – Leichnam*. В этом случае можно сказать, что и второй член оппозиции подвергся метонимии, так как вместо цельного образа мертвого человека акцент ставится на его тело.

4. Выводы по второй главе

В практической главе данной работы мы последовательно охарактеризовали с семантической и прагматической точек зрения существующие виды антонимов, иллюстрируя их примерами из произведений И.В. Гёте. Результаты проведенного анализа коротко можно представить в следующем виде:

1. В стихотворном тексте преобладают контекстуальные антонимы – именно так отражается ведущая роль поэтической функции языка, суть которой во многом заключается в преодолении рамок нормы и создании образности. Большинство языковых оппозиций в стихотворных текстах также приобретают дополнительные характеристики. Например, они используются не только в качестве базы для антитезы или контраста, но и для создания оксюморона.
2. Все контекстуальные антонимические пары так или иначе сводятся к базовым языковым оппозициям, что позволяет читателю или слушателю поэтического текста распознать даже имплицитное указание на противоположность. Совокупность всех антонимов, которые могут быть использованы для расширения языковой антонимии до просто конвенциональной, общепоэтической или авторской, называется антонимическим блоком. Смещение антонимии в этом случае часто происходит за счет метонимии, которая может быть разных видов (например, часть вместо целого, конкретное вместо абстрактного).
3. Авторские антонимы у И.В. Гёте не всегда бывают лексическими: члены таких оппозиций могут состоять из нескольких слов и даже относиться к разным частям речи. Анализ межчастеречной антонимии дополнительно включает грамматическую транспозицию, однако основной акцент остается на семантической характеристике и на определении гиперсемы, гипосем или импликационной связи.

Заключение

В настоящей выпускной квалификационной работе, посвященной антонимии в стихотворном тексте, представлены результаты двух векторов нашего исследования: теоретического и практического. Анализ парных антонимических номинаций из «Фауста» И.В. Гёте, а также из сборника его избранных стихотворений являлся основной целью исследования, однако для осуществления такого анализа потребовалась систематизация теоретического материала по теме и составление единой классификации.

Термин «антонимы» в работе трактуется широко и включает в себя не только их языковые, устоявшиеся варианты, но и разнообразные менее конвенциональные пары, в том числе межчастеречные и многословные оппозиции. Такое решение обусловлено и тем, что контекстуальные антонимы менее изучены, и тем, что в поэтических текстах они преобладают, имеют ключевое значение. В ходе работы данный тезис нашел свое подтверждение, так как в большинстве случаев мы наблюдали смещение антонимии, за счет чего языковые пары переставали быть таковыми. В результате подобных смещений образуются новые члены оппозиции, которые служат в текстах И.В. Гёте средством антонимической когезии.

Что касается возможностей построения антонимических отношений, то предположение о «переносе значения» обрело более конкретную форму: в каждом подобном случае была определена имплицитная связь между членом неконвенциональной и членом соответствующей ей узуальной оппозиции. Сдвиг также может иметь место в результате действия метонимии, что подтверждает нашу мысль об использовании антонимов для создания разных фигур речи, не только антитезы.

Важно отметить, что так же часто при помощи антонимии у И.В.Гёте образуется оксюморон: эта фигура речи строится с использованием именно языковых пар как самых однозначных: чем четче между членами оппозиции противоречие, тем более выразительным становится оксюморон. Однако

семантический анализ показал, что антонимические связи в таком случае не рушатся, а дополняются – можно говорить о том, что контрадикторные оппозиции переходят в разряд контрарных, потому что в конкретном контексте становится возможным выделить между такими антонимами промежуточное звено.

Лишь наполовину верным оказалось предположение о важности использования словообразовательных средств для создания антонимических пар. В произведениях И.В. Гёте четко видно, что больше внимание уделяется актуализации побочных гипосем для создания оппозиции, тогда как изменение формы оказывается существенным чаще для языковых антонимов, которые образуются при помощи аффиксов с противоположным значением. Вместе с тем, именно такие пары играют особую роль в создании звукового облика стиха: за счет повтора префиксов или основы, за счет экономии, когда основа наоборот опускается, за счет ударения, если мы говорим, например, про глагольные префиксы.

Описанные выше тезисы и иллюстрации к ним из произведений И.В. Гёте могут быть использованы не только в преподавании семантики и лексикологии. Перспективы дальнейших исследований усматриваются в выработке критериев для классификации контекстуальных антонимов, в определении грани между отсутствием противопоставления и неоднозначными авторскими антонимическими парами, в описании процесса перехода контекстуальных антонимов в группу конвенциональных и определении роли поэзии в этом процессе. Кроме того, важными представляются вопросы о возможности создания оксюморона на базе контекстуальных пар, а также использования импликационных сдвигов и ослабления отрицания в антонимической паре (а как следствие – ослабления противоречия) для воздействия на реципиента.

Источники примеров

- I. Гете, И.В. Избранная лирика (на немецком языке) / И.В. Гете ; сост. А.А. Аникст. – М.: Прогресс, 1980. – 479 с.
- II. Goethe, J.W. Faust. Eine Tragödie. Erster und zweiter Teil / J.W. Goethe. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1977. – 395 S.

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика : синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. – Изд. 2-е, исп. и доп. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 464 с.
2. Болдырев Н.Н. Концептуализация функции отрицания как основа формирования категории / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – №1. – С. 5-14.
3. Бондаренко В.Н. Отрицание как логико-грамматическая категория / В.Н. Бондаренко. – М.: Наука, 1983. – 210 с.
4. Гудкова К.В. К вопросу об антонимических и бинарных оппозициях / К.В. Гудкова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Язык и литература. – 2012. – Вып. 3. – С. 68-71.
5. Комиссаров В.Н. Проблема определения антонима (О соотношении логического и языкового в семасиологии) / В.Н. Комиссаров // Вопросы языкознания. – 1957. – Вып. 2. – С. 49-58.
6. Лаврова Н.А. К вопросу об определении антонимии и о типологической классификации антонимов / Н.А. Лаврова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2017. – №7. – С. 62-71.
7. Маклакова Н.В. «Параллелизм» и «поэтическая функция» Р. Якобсона в теории повтора / Н.В.Маклакова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2010. – №120. – С. 145-153

8. Михайлов В.А. Генезис антонимических оппозиций : антонимия и отрицание : Учеб. пособие / В.А. Михайлов. – Л.: Ленингр. ун-т, 1987. – 80 с.
9. Моисеева Е. М. Антонимизация поэтического текста : на материале произведений К. Бальмонта / Е.М. Моисеева // Вестник ТГУ. – 2010. – №4. – С. 289-294.
10. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения : Учеб. пособие / М.В. Никитин. – М.: Высшая школа, 1988. – 168 с.
11. Пестова М.С. Антонимия как объект теоретического исследования / М.С. Пестова // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. – 2014. – Т. 11, №1. – С. 18-21.
12. Якобсон Р. О. Работы по поэтике : Переводы / Р.О. Якобсон ; сост. и общ. ред. М.Л. Гаспарова. – М.: Прогресс, 1987. – 464 с.
13. Burdorf D. Einführung in die Gedichtanalyse : ein Lehrbuch / D. Burdorf. – 3. akt. u. erw. Aufl.– Stuttgart: J.B. Metzler Verlag, 2015. – 293 S.
14. Goethe-Handbuch : in 4 Bänden. Band 1: Gedichte / hrsg. von B. Witte [u.a.]. – Stuttgart; Weimar: J.B. Metzler Verlag, 2004.– 571 S.
15. Handbuch Lyrik / hrsg. von D. Lamping. – 2. erw. Aufl. – Stuttgart: J.B. Metzler Verlag, 2016. – 516 S.
16. Handbuch Sprache in der Literatur / hrsg. von A. Betten, U. Fix, B. Wanning.– Greifswald: Universitätsbibliothek Greifswald, 2017. – 584 S
17. Handbuch Wort und Wortschatz / hrsg. von U. Haß, P. Storjohann.– Berlin, München, Boston: De Gruyter, 2015.– 517 p.
18. Herberg D. Antonymische Beziehungen im Wortschatz und im Wörterbuch / D. Herberg // Symposium on Lexicography V. Proceedings of the Fifth International Symposium on Lexicography May 3-5, 1990 at the University of Copenhagen / hrsg. von K. Hyldgaard-Jensen, A. Zettersten. – Tübingen: Niemeyer, 1992. – S. 245-264.
19. Herberg D. Makrostrukturelle Beziehungen im Wortschatz und in Wörterbucheinträgen. Möglichkeiten und Grenzen des allgemeinen

- einsprachigen Wörterbuchs / D.Herberg // Lexikontheorie und Wörterbuch: Wege der Verbindung von lexikologischer Forschung und lexikographischer Praxis / editor U. Brauße. – Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2017. – pp. 89-164.
20. Jeffris L. Opposition in discourse. The construction of oppositional meaning / L. Jeffris. – London: Continuum, 2010. – 150 p.
 21. Kostić N. Adjectival antonyms in discourse: A corpus study of scalar and complementary antonyms / N. Kostić // Folia Linguistica. – 2017. – Vol.51, №3. – pp. 587-610.
 22. Lang E. Das Spektrum der Antonymie : Semantische und konzeptuelle Strukturen im Lexikon und ihre Darstellung im Wörterbuch / E.Lang // Die Ordnung der Wörter: Kognitive und lexikalische Strukturen / editor G. Harras. – Berlin, Boston: De Gruyter, 2019. – pp. 30-98.
 23. Lausberg H. Elemente der Literarischen Rhetorik : eine Einführung für Studierende der klassischen, romanischen, englischen und deutschen Philologie / H. Lausberg. – 10. Aufl. – Ismaning: Hueber, 1990. – 169 S.
 24. Lehrer A. Antonymy / A. Lehrer, K. Lehrer // Linguistics and Philosophy. – 1982. – Vol. 5, № 4. – S. 483-501.
 25. Levin R.S. Allegorical Language / R.S. Levin // Allegory, Myth, and Symbol / editor M.W. Bloomfield. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1981. – pp. 23-38.
 26. Löbner S. Understanding Semantics / S. Löbner. – 2nd edition – Abingdon: Routledge, 2013. – 379 p.
 27. Murphy L. Semantic Relations and the Lexicon : Antonyms, Synonyms and other Semantic Paradigms / L. Murphy. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 304 p.
 28. Paradis, C. Antonymy and negation—The boundedness hypothesis / C. Paradis, C. Willners // Journal of Pragmatics. Charles University in Prague. Faculty of Philosophy and Arts. – 2006. – Vol.38, № 7.– pp.1051-1080.

29. Paradis C. Good, better and superb antonyms: a conceptual construal approach / C. Paradis // The annual texts by foreign guest professors. – 2010. – Vol.3.– pp.385-402
30. Silin W. Antonymische Relationen in der Paradigmatik und Syntagmatik / W. Silin // STUF - Language Typology and Universals. – 1980. – Vol. 33, № 1-6. – pp. 701-708.
31. Stepanova M.D. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache : Учебное пособие для студ.высш.учеб.заведений // М.Д. Stepanova, I.I. Černyševa. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 256 с.

Справочная литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – Изд. 2-е. – М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1969. – 606 с.
2. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов и понятий/ Т.В. Жеребило. - 5-е изд., испр. и доп. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 486 с.
3. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков. – Изд. 2-е, доп. – М.: Наука, 1975. – 720 с.
4. Новиков Л.А. Антонимия / Л.А. Новиков // Большой энциклопедический словарь. Языкознание / под ред. В.Н. Ярцевой. – 2-е изд. – М.: Большая рос. энцикл., 1998. – с. 35-36
5. Agricola C. Wörter und Gegenwörter : Antonyme der deutschen Sprache / C. Agricola, E. Agricola. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1977. – 280 S.
6. Agricola E. Wörter und Wendungen : Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch / E. Agricola. – überarb. Neuauffassung der 14. Aufl. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1992. – 822 S.
7. Albrecht G. Deutsches Schriftstellerlexikon : Von den Anfängen bis zur Gegenwart/ G.Albrecht, K.Böttcher, H.Greiner-Mai, P. Krohn. – Leipzig: Volksverlag Weimar, 1962. – 651 S.

8. Bulitta E. Wörterbuch der Synonyme und Antonyme : Sinn- und sachverwandte Wörter und Begriffe sowie deren Gegenteil und Bedeutung / E. Bulitta, H Bulitta. – 7.Aufl. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2020. – 968 S.
9. Duden. Deutsches Universalwörterbuch / hrsg. von der Dudenredaktion. – 8. überarb. und erw. Aufl. – Berlin: Dudenverlag, 2015. – 2128 S.
10. Homberger D. Sachwörterbuch zur Sprachwissenschaft / Homberger D. – Stuttgart: Reclams Universal-Bibliothek, 2000 – 671 S.
11. Metzler Lexikon Sprache / hrsg. von H. Glück, M. Rödel. – 5. akt. und überarb. Aufl. – Stuttgart: J.B. Metzler Verlag, 2016. – 814 S.
12. Müller W. Das Gegenwart-Wörterbuch : Ein Kontrastwörterbuch mit Gebrauchshinweisen / W. Müller, J. Ebner. – 2. neu bearb. und erw. Aufl. – Berlin, Boston: De Gruyter, 2020. – 889 S.

Электронные ресурсы

1. Gefühlvoll – Verlaufskurve – Basis: DTA-Gesamt+DWDS-Kernkorpus: [Электронный ресурс] // DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/r/plot/?view=1&corpus=zeitungenxl&norm=date%2Bclass&smooth=spline&genres=0&grand=1&slice=1&prune=0&window=3&wbase=0&logavg=0&logscale=0&xrange=1946%3A2021&q1=gefuehlvoll>. (Дата обращения: 22.05.2022)
2. Haupt – Verlaufskurve – Basis: DTA-Gesamt+DWDS-Kernkorpus: [Электронный ресурс] // DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/r/plot/?view=1&corpus=dta%2Bdwds&norm=date%2Bclass&smooth=spline&genres=0&grand=1&slice=10&prune=0&window=3&wbase=0&logavg=0&logscale=0&xrange=1600%3A1999&q1=Haupt>. (Дата обращения: 22.05.2022).
3. Kopf – Verlaufskurve – Basis: DTA-Gesamt+DWDS-Kernkorpus: [Электронный ресурс] // DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/r/plot/?view=1&corpus=dta%2Bdwds&>

[norm=date%2Bclass&smooth=spline&genres=0&grand=1&slice=10&prune=0&window=3&wbase=0&logavg=0&logscale=0&xrange=1600%3A1999&q1=Kopf](https://www.dwds.de/wb/Kopf?norm=date%2Bclass&smooth=spline&genres=0&grand=1&slice=10&prune=0&window=3&wbase=0&logavg=0&logscale=0&xrange=1600%3A1999&q1=Kopf). (Дата обращения: 22.05.2022).

4. Freude – Schreibung, Definition, Bedeutung, Etymologie, Synonyme, Beispiele: [Электронный ресурс] // DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/wb/Freude>. (Дата обращения: 22.05.2022).